По прошествии неопределенного количества времени рассеянное сознание Оливера начало медленно сходиться.

…

Я… мертв? Это… это… смерть?

Мысли Оливера были в тумане. Ему казалось, что он изо всех сил пытается протолкнуть свои мысли сквозь груду цементных кирпичей.

Он смутно помнил, что только что заснул в своей больничной палате. Но теперь все, что он видел, было кромешной тьмой, удовлетворяющим теплом, которое покрывало каждую щель его существа, заставляя его внутренне стонать от утешения.

Наверное… я должен был… умереть раньше… ха-ха…

Он не мог сказать, открыты его глаза или закрыты, и есть ли у него вообще глаза. Как бы то ни было, он не мог заметить вокруг себя ни одного источника света.

Но он мог чувствовать что-то похожее на придатки, но даже мысль о том, чтобы переехать, чтобы проверить эту теорию, вызывала у него слезы. В любом случае, не то чтобы он особенно хотел двигаться.

Если он умер, то так тому и быть.

Что-то, что он, вероятно, должен был вспомнить, время от времени щекотало его сознание, но в этот момент он больше не мог заставить себя заботиться об этом.

Он перестал думать о ненужных мыслях и решительно полностью замер во тьме, уступив место теплым объятиям загробного мира.

Комфортно…

К сожалению, вскоре его мирный отдых был нарушен постоянным раздражающим ритмичным стуком, темп которого, казалось, неуклонно нарастал.

Что… это проклятое… нет…

Прежде чем Оливер успел закончить свою похожую на патоку мысль, он почувствовал, что невольно двигается вверх, пространство над ним внезапно схлопывается само по себе.

Давление тут же начало душить его отовсюду, подавляя мысли и чувства всепоглощающей болью.

Стоп… это… пожалуйста… помоги… мне!

Между болью и фрагментарными мыслями что-то в этой мучительной темноте мерцало смутным чувством знакомства. Но прежде чем он успел это осознать, его разум снова охватила раскаленная добела боль.

Секунды казались минутами, а минуты казались часами.

Ах… это должно быть… черт…

Как раз в тот момент, когда он почувствовал, что его смутное существование будет разбито вдребезги во тьме, ослепительный свет наполнил все его существо, смыв панику и тошноту, накопившиеся в нем за этот бездонно долгий период страданий.

Прохладный воздух скользил по его нежному телу, теперь, казалось, покрытому чем-то влажным и липким.

Оливер не мог достаточно быстро осознать внезапные изменения, прежде чем почувствовал, что его схватила пара каких-то чудовищно больших рук.

Удивление едва пересилило остатки оставшейся боли.

Это… это… Бог?

За то время, которое потребовалось Оливеру, чтобы обдумать эти три коротких слова, его вытерли, обернули чем-то вроде мягкой ткани, прежде чем отдать в чужие объятия.

Скорость, с которой развивались события, наполняла его невероятным изнеможением.

Пока его глаза привыкали к внезапному натиску света, он услышал, как несколько других пугающе высоких существ разговаривают над ним на совершенно незнакомом языке.

«$#% #% @…»

«@#$!»

Выслушав их восклицания некоторое время в полнейшем смущении, Оливер почувствовал, что ближайший к нему великан бережно поднимает его.

Когда он, моргая, поднял глаза, чтобы посмотреть на божественное существо, которое в данный момент манипулировало им, его едва отрегулированное зрение было совершенно определенно заполнено самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел.

Ой…

Если когда-либо и существовала Богиня, он не мог представить её более красивой, чем женщина, стоящая сейчас перед ним. Ослепительная улыбка на ее лице могла позволить даже самым холодным сердцам ощутить тепло любви. Даже пота на ее лбу и красных пятен на щеках было недостаточно, чтобы скрыть эту священную сцену.

У женщины были длинные, неестественно светлые волосы, словно тонкие нити из чистого золота, спадающие вокруг нее. Глаза были такими поразительно голубыми, что ему казалось, будто он смотрит в два маленьких бассейна с чистейшей в мире водой. Так чисто, что он мог видеть себя…

Подождите… кто этот… ребенок?

Глазами этой женщины он мог видеть прекрасного золотоглазого мальчика с редкими вьющимися светлыми волосами, смущенно смотрящего на него.

Красивая женщина, державшая его, начала говорить ему тарабарщину, но он даже не мог ее понять.

Внезапно то смутное чувство знакомства, которое он ощутил в темноте, вернулось

десятикратно. Фрагменты событий начали перестраиваться в вялом мозгу Оливера — нет, в его незрелом мозгу!

Все это время он думал, что он мертвец, смотрящий в лицо Богини.

Однако на самом деле он был живым, только что родившимся младенцем, а эта пугающе красивая женщина перед ним… должна быть его новой мамой!

И именно в этот момент он, наконец, вспомнил последние события своей прошлой жизни.

Святое… дерьмо… Эта лампа!

Его маленький мозг не мог угнаться за этим неожиданным открытием.

Он не мог даже заставить себя осмотреть комнату вокруг себя, прежде чем почувствовал, что его зрение становится расплывчатым из-за истощения его умственной энергии. Последней сценой, которую он увидел, было выражение удивительно глубокой озабоченности на лице его не очень дешевой матери.

Затем его минутное тело погрузилось в тиски глубокого сна.

…

Предыдущие шумные возгласы в роскошной спальне постепенно стихли, когда ребенок заснул. Вскоре в комнате воцарилась мертвая тишина.

Слуги и акушерки тихо стояли на покрытом ковром полу, слегка хмурясь, наблюдая за новорожденным.

Все присутствующие были хорошо знакомы с процессом родов, поэтому все невольно переглядывались с тревогой и думали: «Где же первый крик ребенка?»

Женщина средних лет, одетая в довольно простую, но безошибочно роскошную серую мантию, нерешительно шагнула к покрытому атласом матрасу, но ее шаги остановились сразу после того, как она увидела выражение лица блондинки на грязной постели.

Женщина средних лет быстро склонила голову в тревоге, но больше не двигалась.

Глубокие морщины исказили лицо блондинки. Она уставилась на выражение лица спящего ребенка в молчаливом ужасе.

После нескольких мучительно долгих мгновений она даже не удосужилась взглянуть на акушерок и слуг, прежде чем открыла рот, чтобы медленно заговорить.

«Диана… почему мой ребенок только что не плакал?»

Тон голоса блондинки был холодно-бесстрастным, как будто эта фраза рассеяла весь жар внутри комнаты, вызывая мурашки по спине всех, кто слушал.

На самом деле, температура действительно резко упала именно тогда и продолжала быстро падать, пока блондинка ждала ответа на свой вопрос.

В последовавшей за этим нервной тишине тело блондинки постепенно начало светиться мягким теплым золотым оттенком.

Температура продолжала падать.

Женщина средних лет, Диана, в отчаянии заломила руки в белых перчатках и подняла голову, чтобы быстро попытаться успокоить своего хозяина.

«Ваше Величество, может быть много причин, по которым его первый крик задержался. Если вы позволите мне… ах!

Как только Диана протянула правую руку к новорожденному мальчику, чтобы оценить его состояние, обжигающий жар, создаваемый золотым оттенком вокруг блондинки, злобно прошел через кончик ее пальца, мгновенно обуглив указательный палец и превратив его в шипящий почерневший обрубок.

Диана тут же отдернула руку от мальчика. Ее пугающе бледное лицо начало обильно потеть, когда ее тело осознало тяжесть травмы.

Хотя жгучей боли было достаточно, чтобы она потеряла сознание, она не осмелилась. Даже ее болезненный крик оборвался так же внезапно, как и вырвался наружу. Все, что она могла сделать, это жестоко укусить себя за щеку, чтобы оставаться в сознании, в то время как она в страхе отступала в ряд с другими слугами.

Блондинка совершенно не обращала внимания, блестящие слезы текли по ее лицу, когда она плакала про себя: «Разве он не должен плакать? Почему он не плачет? Что-то не так с моим ребенком?»

Свечение вокруг расстроенной блондинки становилось все ярче, когда температура окружающей среды опустилась значительно ниже нуля, дыхание слуг стало заметно белым, а на их одеждах начал образовываться иней. Некоторые из более слабых слуг не могли даже стоять прямо из-за обморожения, безжалостно атакующего их конечности.

Казалось, что светловолосая женщина высасывала все тепло из окружающей среды прямо в себя, проявляясь в золотом свете. Даже гнев и печаль на ее лице уже не были видны под ослепляющими лучами.

Длинные волосы светловолосой женщины начали дико танцевать в воздухе, несмотря на отсутствие ветра, когда она постепенно превратилась в существо из чистых золотых фотонов. Даже солнечный свет, пробивающийся сквозь щели задернутых портьер, начал тускнеть, словно само солнце трепетало перед ней.

Как раз в тот момент, когда они почувствовал, что весь этот гнев, грусть и ослепительный жар готов выплеснуться на беспомощных слуг, тяжелые богато украшенные двери позади них распахнулись, заставив их обернуться в надежде на передышку от этого холодного ада.

Как только они узнали личность новоприбывшего, все поспешили низко поклониться, невзирая на леденящую боль.

Они дружно приветствовали: «Ваше Величество!»

В дверь мирно вошёл молодой человек с резкими формами, на вид лет 20-ти. На голове у него была золотая корона с красивой гравировкой. Длинные темно-зеленые пряди волос небрежно падали на его плечи, прикрытые великолепно расшитой черной мантией.

Под его прямыми бровями золотые глаза, в которых, как две звездочки, отражался свет,

исходящий от жены, несли неуловимый след беспокойства.

Его красивое и хорошо очерченное лицо смотрело на Диану, когда он спокойно приказал: «Иди и проверь состояние моего сына».

Хотя свет королевы только что сжег один палец Дианы дотла, она без колебаний подчинилась, подойдя к большой кровати. Она дрожаще протянула левый указательный палец, пока он не завис над спящим новорожденным, который невредимым купался в золотом свете.

Когда она была уверена, что Королева не сожжет ее еще раз, из кончика ее пальца начал просачиваться слабый, но стабильный белый свет, быстро сходившийся в образование сложных глифов, которые парили вокруг юного принца.

После нескольких напряженных моментов наблюдения Диана чуть не рухнула от облегчения.

Диана счастливо вздохнула. Затем она посмотрела на женщину, окутанную светом, и сказала: «С вашим новорожденным все в порядке, королева Амабелла. Он просто несколько истощен и проснется естественным образом через несколько часов».

Как только последнее слово сорвалось с ее губ, тепло сразу же вернулось в покрытую морозом комнату, и ослепительный свет безопасно потускнел, открывая прекрасную Амабеллу под ним.

Она спокойно улыбалась толпе, как будто не собиралась убить каждого из них от депрессии всего лишь мгновением ранее.

Она с любовью посмотрела на мужчину в черной мантии, стоявшего у входа в спальню, и сказала: «Подойди сюда, Седрик, чтобы ты мог увидеть нашего прекрасного мальчика».

Черные сапоги Седрика неуклонно несли его высокую фигуру вперед, обгоняя по пути дрожащих слуг.

Однако, когда он проходил мимо, небольшое количество сверкающего белого, зеленого и золотого света просочилось наружу от его тела и на слуг вокруг него, убирая их испуганные эмоции и залечивая их обмороженные ожоги. Свету даже удалось быстро отрастить обугленный указательный палец Дианы.

Глаза слуг заблестели, когда они снова благодарно поклонились.

Не обращая на них внимания, Седрик осторожно сел рядом с Амабеллой, чтобы посмотреть на лицо спящего ребенка. Даже его равнодушная маска не могла скрыть мягкость и радость, мелькнувшие в его золотых глазах.

— Вы уже выбрали имя для второго принца? — спросил Седрик Амабеллу, не сводя глаз с маленького ребенка у нее на руках.

Амабелла снова посмотрела в свои объятия, с особой осторожностью поглаживая золотые локоны спящего ребенка.

Она тихо сказала: «Ослен. Ослен Хендрикс Ринальди Лоуренс».

http://tl.rulate.ru/book/76860/2298223